

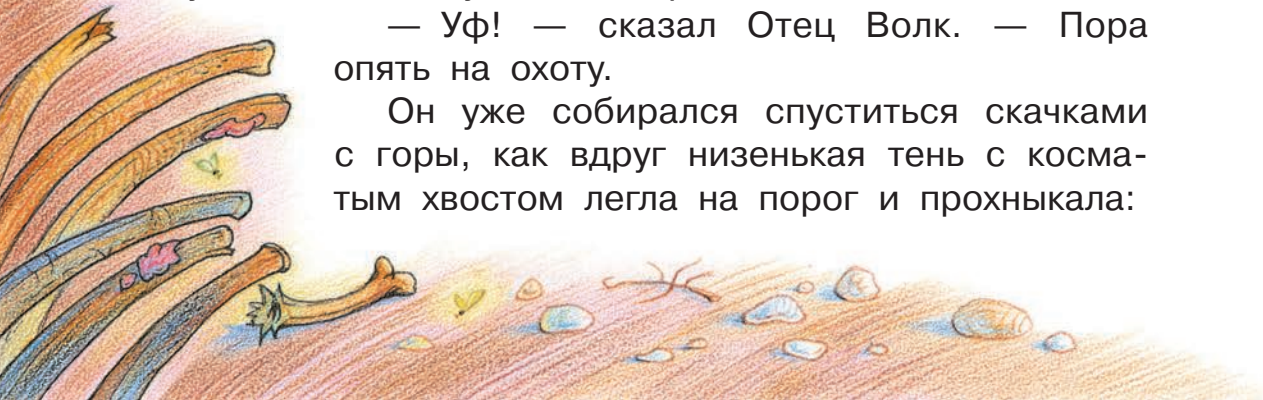

БРАТЯ МАУГЛИ

Было семь часов знойного вечера в Сионийских горах, когда Отец Волк проснулся после дневного отдыха, почесался, зевнул и расправил онемевшие лапы одну за другой, прогоняя сон. Мать Волчица дремала, положив свою крупную серую морду на четверых волчат, а те ворочались и повизгивали, и луна светила в устье пещеры, где жила вся семья.

— Уф! — сказал Отец Волк. — Пора опять на охоту.

Он уже собирался спуститься скачками с горы, как вдруг низенькая тень с косматым хвостом легла на порог и прохныкала:

— Желаю тебе удачи, о Глава Волков! Удачи и крепких, белых зубов твоим благородным детям. Пусть они никогда не забывают, что на свете есть голодные!

Это был шакал, Лизоблюд Табаки, — а волки Индии презирают Табаки за то, что он рыщет повсюду, сеет раздоры, разносит сплетни и не брезгает тряпками и обрывками кожи, роясь в деревенских мусорных кучах. И всё-таки они боятся Табаки, потому что он чаще других зверей в джунглях болеет бешенством и тогда мечется по лесу и кусает всех, кто только попадётся ему навстречу. Даже тигр бежит и прячется, когда бесится маленький Табаки, ибо ничего хуже бешенства не может приключиться с диким зверем. У нас оно зовётся водобоязнью, а звери называют его «дивани» — бешенство — и спасаются от него бегством.

— Что ж, войди и посмотри сам, — сухо сказал Отец Волк. — Только еды здесь нет.

— Для волка нет, — сказал Табаки, но для такого ничтожества, как я, и голая кость — целый пир. Нам, шакалам, не к лицу привередничать.

Он прокрался в глубину пещеры, нашёл оленью кость с остатками мяса и, очень довольный, уселся, с треском разгрызая эту кость.

— Благодарю за угощение, — сказал он, облизываясь. — Как красивы благородные дети! Какие у них большие глаза! А ведь они ещё так малы! Правда, правда, мне бы следовало помнить, что царские дети с самых первых дней уже взрослые.

А ведь Табаки знал не хуже всякого другого, что нет ничего опаснее, чем хвалить детей в глаза, и с удовольствием наблюдал, как смутились Мать и Отец Волки.

Табаки сидел молча, радуясь тому, что накликать на других беду, потом сказал злобно:

— Шер-Хан, Большой Тигр, переменяет место охоты. Он будет весь этот месяц охотиться здесь, в горах. Так он сам сказал.

Шер-Хан был тигр, который жил в двадцати милях от пещеры, у реки Вайнганги.

— Не имеет права! — сердито начал Отец Волк. — По Закону Джунглей он не может менять место охоты, никого не предупредив. Он распугает всю дичь на десять миль кругом, а мне... мне теперь надо охотиться за двоих.

— Мать недаром прозвала его Лангри (Хромой), — спокойно сказала Мать Волчица. — Он с самого рождения хромает на одну ногу. Вот почему он охотится только за домашней скотиной. Жители селений по берегам Вайнганги злы на него, а теперь он явился сюда, и у нас начнётся то же: люди будут рыскать за ним по лесу, поймать его не сумеют, а нам и нашим детям придётся бежать куда глаза глядят, когда подожгут траву. Право, нам есть за что благодарить Шер-Хана!

— Не передать ли ему вашу благодарность? — спросил Табаки.

— Вон отсюда! — огрызнулся Отец Волк. — Вон! Ступай охотиться со своим господином! Довольно ты намутил сегодня.

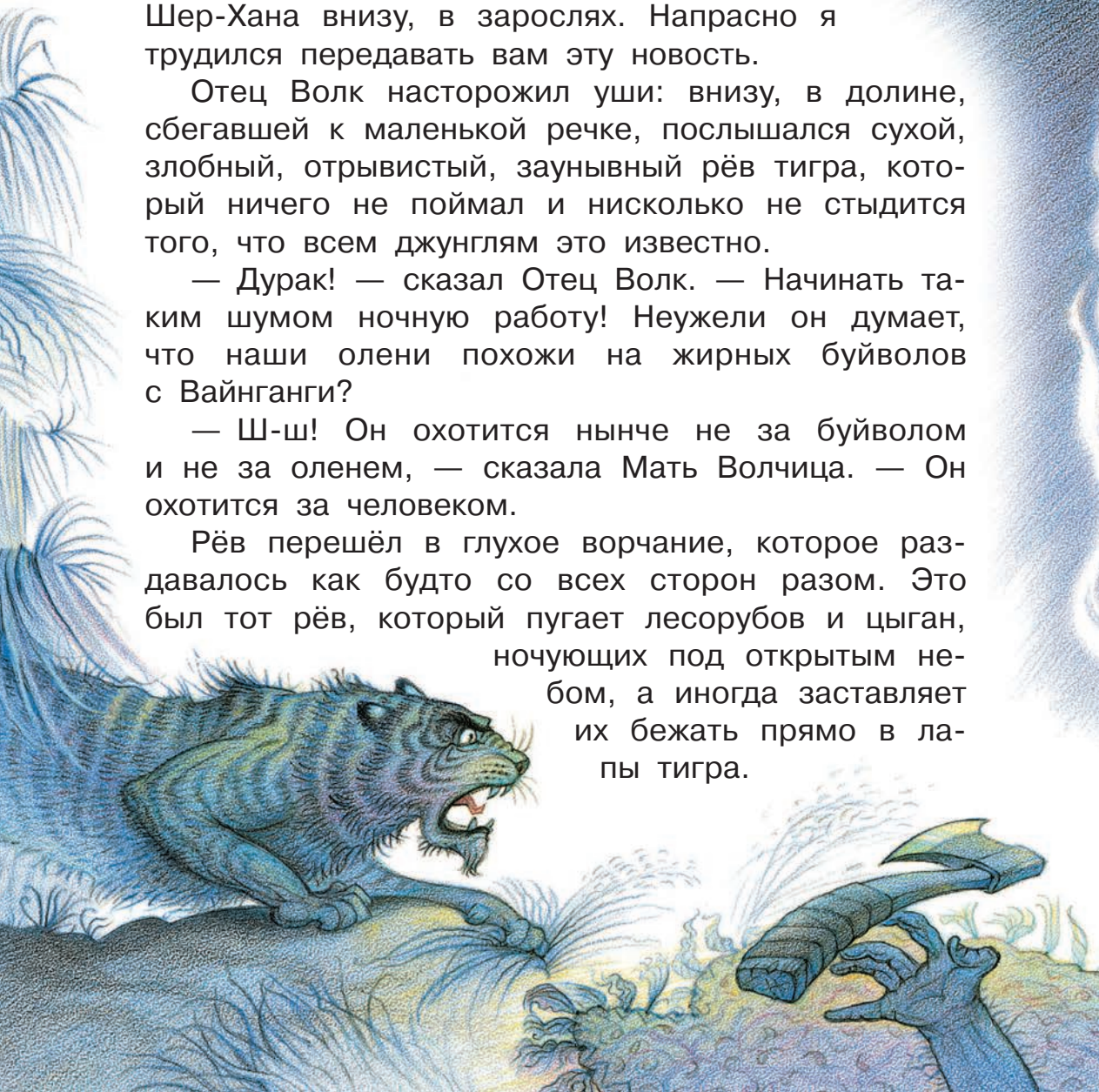
— Я уйду, — спокойно ответил Табаки. — Вы и сами скоро услышите голос Шер-Хана внизу, в зарослях. Напрасно я трудился передавать вам эту новость.

Отец Волк насторожил уши: внизу, в долине, сбегавшей к маленькой речке, послышался сухой, злобный, отрывистый, заунывный рёв тигра, который ничего не поймал и нисколько не стыдится того, что всем джунглям это известно.

— Дурак! — сказал Отец Волк. — Начинать таким шумом ночную работу! Неужели он думает, что наши олени похожи на жирных буйволов с Вайнганги?

— Ш-ш! Он охотится нынче не за буйволом и не за оленем, — сказала Мать Волчица. — Он охотится за человеком.

Рёв перешёл в глухое ворчание, которое раздавалось как будто со всех сторон разом. Это был тот рёв, который пугает лесорубов и цыган, ночующих под открытым небом, а иногда заставляет их бежать прямо в лапы тигра.

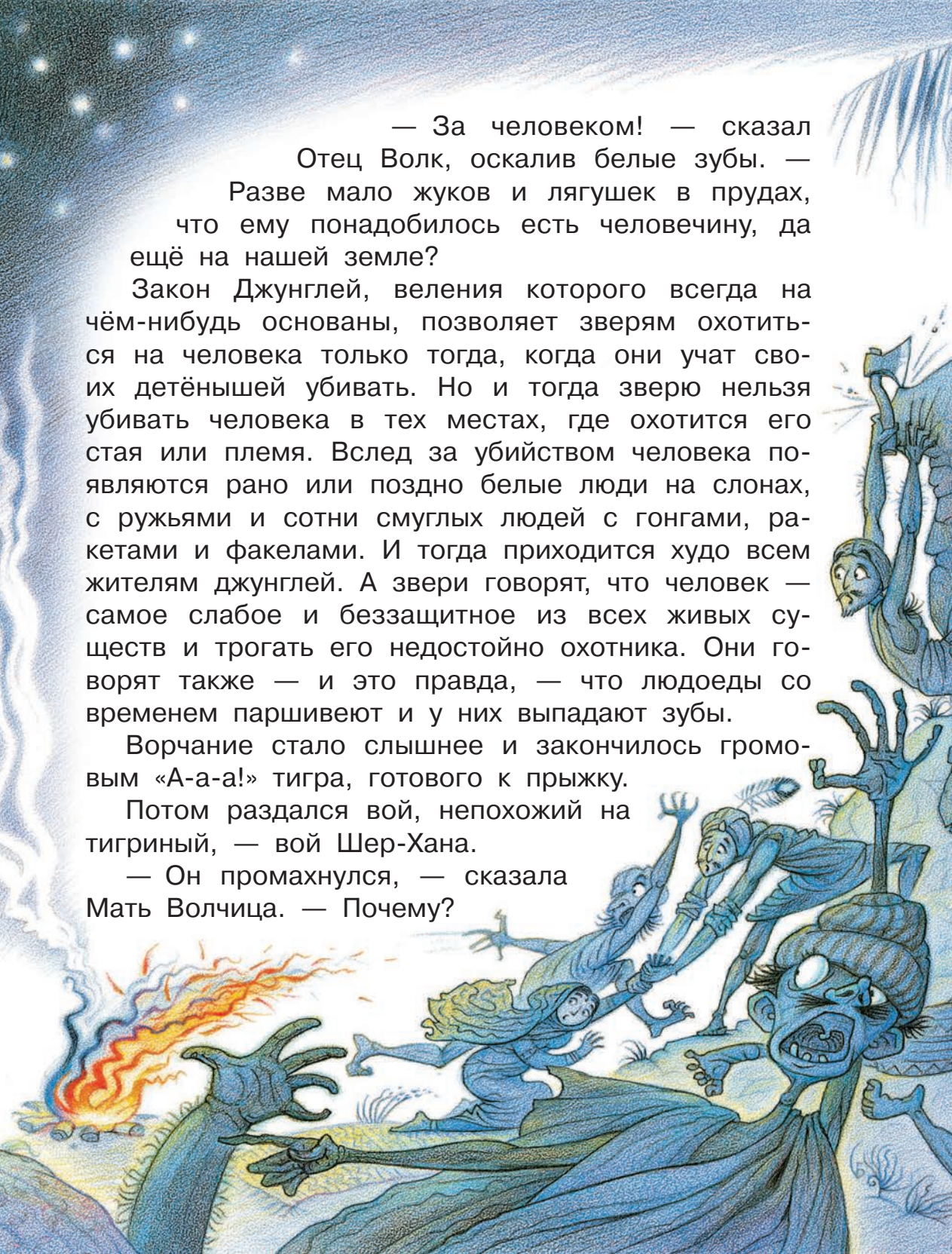
— За человеком! — сказал Отец Волк, оскалив белые зубы. — Разве мало жуков и лягушек в прудах, что ему понадобилось есть человечину, да ещё на нашей земле?

Закон Джунглей, веления которого всегда на чём-нибудь основаны, позволяет зверям охотиться на человека только тогда, когда они учат своих детёнышей убивать. Но и тогда зверю нельзя убивать человека в тех местах, где охотится его стая или племя. Вслед за убийством человека появляются рано или поздно белые люди на слонах, с ружьями и сотни смуглых людей с гонгами, ракетами и факелами. И тогда приходится худо всем жителям джунглей. А звери говорят, что человек — самое слабое и беззащитное из всех живых существ и трогать его недостойно охотника. Они говорят также — и это правда, — что людоеды со временем паршивеют и у них выпадают зубы.

Ворчание стало слышнее и закончилось громовым «А-а-а!» тигра, готового к прыжку.

Потом раздался вой, непохожий на тигриный, — вой Шер-Хана.

— Он промахнулся, — сказала Мать Волчица. — Почему?

Отец Волк отбежал на несколько шагов от пещеры и услышал раздражённое рычание Шер-Хана, ворочавшегося в кустах.

— Этот дурак обжёт себе лапы. Хватило же ума прыгать в костёр дровосека! — фыркнув, сказал Отец Волк. — И Табаки с ним.

— Кто-то взбирается на гору, — сказала Мать Волчица, шевельнув одним ухом. — Приготовься.

Кусты в чаще слегка зашуршали, и Отец Волк присел на задние лапы, готовясь к прыжку. И тут, если бы вы наблюдали за ним, то увидели бы самое удивительное на свете — как волк остановился на середине прыжка. Он бросился вперёд, ещё не видя, на что бросается, а потом круто остановился. Вышло так, что он подпрыгнул кверху на четыре или пять футов и сел на том же месте, где оторвался от земли.

— Человек! — огрызнулся он. — Человечий детёныш! Смотри!

Прямо перед ним, держась за низко растущую ветку, стоял голенький смуглый ребёнок, едва научившийся ходить, — мягкий, весь в ямочках, крохотный живой комочек. Такой крохотный ребёнок ещё ни разу не заглядывал в волчье логово ночной порой. Он посмотрел в глаза Отцу Волку и засмеялся.

— Это и есть человеческий детёныш? — спросила Мать Волчица. — Я их никогда не видала. Принеси его сюда.

Волк, привыкший носить своих волчат, может, если нужно, взять в зубы яйцо, не раздавив его, и хотя зубы Отца Волка стиснули спинку ребёнка, на коже не осталось даже царапины, после того как он положил его между волчатами.

— Какой маленький! Совсем голый, а какой смелый! — ласково сказала Мать Волчица.

(Ребёнок проталкивался среди волчат поближе к тёплому боку.) — Ой! Он сосёт вместе с другими! Так вот он какой, человеческий детёныш! Ну когда же волчица могла похвастаться, что среди её волчат есть человеческий детёныш!

— Я слышал, что это бывало и раньше, но только не в нашей Стае и не в моё время, — сказал Отец Волк. — Он совсем безволосый, и я мог бы убить его одним шлепком. Погляди, он смотрит и не боится.

Лунный свет померк в устье пещеры: большая квадратная голова и плечи Шер-Хана загородили вход. Табаки визжал позади него:

— Господин, господин, он вошёл сюда!

— Шер-Хан делает нам большую честь, — сказал Отец Волк, но глаза его злобно сверкнули. — Что нужно Шер-Хану?

— Мою добычу! Человеческий детёныш вошёл сюда, — сказал Шер-Хан. — Его родители убежали. Отдайте его мне.

Шер-Хан прыгнул в костёр дровосека, как и говорил Отец Волк, обжёг себе лапы и теперь бесился. Однако Отец Волк отлично знал, что вход в пещеру слишком узок для тигра. Даже там, где Шер-Хан стоял сейчас, он не мог пошевелинуть ни плечом, ни лапой. Ему было тесно, как человеку, который вздумал бы драться в бочке.

— Волки — свободный народ, — сказал Отец Волк. — Они слушаются только Вожака Стаи, а не всякого полосатого людоеда. Человечий детёныш наш. Захотим, так убьём его и сами.

— «Захотим, захотим!» Какое мне дело? Клянусь буйволом, которого я убил, долго мне ещё стоять, уткнувшись носом в ваше собачье логово, и ждать того, что мне полагается по праву? Это говорю я, Шер-Хан!

Рёв тигра наполнил пещеру громовыми раскатами. Мать Волчица, стряхнув с себя волчат, прыгну-